

Астафьев Виктор Петрович Сашка Лебедев astafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Всю ночь санитарные машины шли без огней по шоссе. Впрочем, от шоссе осталось одно название. Несколько дней назад здесь сосредоточивалась для наступления танковая армия и разворотила бульжник на тихом древнем пути, наделала на нем рытвин и бугров. По такой дороге санитарная колонна за ночь с трудом прошла семнадцать километров и в городе Жешуве оказалась ранним осенним утром. Тяжелораненых и тех, что были похитрей да попроворней, разместили в переполненных госпиталях Жешува. Остальных кое-как подбинтовали на эвакупункте, дали им по стакану молока и начали снаряжать дальше. Если бы у Олега Глазова была хоть какая-нибудь солдатская сноровка, он зацепился бы в прифронтовой полосе или сразу же постарался бы попасть в колонну, идущую в глубокий тыл. Но он был еще молод и мало бит, и потому предстояло ему добираться до тылов на "перекладных". Пока же Олег с радостным облегчением забрался в польский автобус и тотчас задремал на мягком сиденье. Он не слышал, когда тронулся автобус. Шофер-поляк вел машину тихо, чтобы бойцы, оглушенные и разбитые в ночном рейсе, хоть немного передохнули. За городом Жешувом автобус остановился. Шофер отворил дверцу: – Проше паньство. "Паньство" – около двадцати раненых солдат – дремали и не сразу сообразили, что от них требуют. Русский санитар, сопровождавший автобус, в тон шоферу повторил: – Проше. Намытарившиеся солдаты не вдруг вылезли из автобуса. Сначала они изучили обстановку, кто с места, кто в окно высунулся. Вдаль убежал изрытый гусеницами большак, обсаженный пыльными деревьями. К нему текли с полей и от деревень хилые тропинки и бугристые дороги. В кювете у большака вверх колесами лежала немецкая легковушка, а чуть подалее – с раздутым брюхом конь. За деревьями – тополями, сомкнувшими вялые ветки над дорогой, – стояла большая круглая палатка с красным крестом наверху. Возле нее толпился народ. – Эвакуационный пост! – пышно назвал палатку автобусный санитар и, видя, что на пассажиров это не очень подействовало и они не трогаются с места, пояснил: – Отсюда специальным транспортом вас будут отправлять по госпиталям. Многие из солдат как были перевязаны на передовой, так с теми повязками и мотались. Если проступала кровь, случавшиеся в пути санитары накладывали поверх новый бинт, но повязок не меняли. Почти у всех раненых была высокая температура, все одурели от бессонницы, голода и мечтали о заслуженном в бою блаженстве – о госпитале, о чистой перевязке, сделанной добрыми женскими руками, и о койке, о настоящей железной койке, может быть, с простынями и, может быть, даже с подушкой. Упоминание о госпитале подействовало. Опережая один другого, с охами и бранью, раненые вывалились на большак. Автобус развернулся, юркнул в коридор тополей и убежал обратно, к Жешуву, оставив унылую пыль. Она медленно, как дым после залпа, оседала на листья и траву, и без того уже покрытую толстым слоем и потому бесцветную. Сиротливой кучкой стояли солдаты на дороге. Никто к ним не подходил, и никто не обращал на них внимания. Возле деревьев за большаком и около опрокинутой легковушки сидели и лежали раненые. Некоторые спали головами к стволам тополей, закрыв лица пилотками и шинелями, у кого они были, а если не было то просто локтем или ладонью. У входа в палатку вкопан в землю стол и вокруг него рамою скамейки. За столом сидел солдат с перевязанной грудью, в хромовах, не по чину, сапогах. Позолоченным трофейным карандашиком солдат что-то писал на потрепанном листе бумаги, придерживая его рукой. Время от времени он поднимал голову, со значением шурился, устремляя взгляд в осенние прозоры на тополях. В прозоры эти проглядывало успокоенное, перетомившееся в летних трудах и жаре солнце. В ветвях возились воробьи, стряхивая листья и пыль. Воробьи содомили из-за ворона, который взялся откуда-то и терпеливо ждал в ветвях, когда можно будет подлететь к душному коню и начать его с выпуклых глаз. На них уже давно хлопотали жадные черно-синие мухи. Вид у солдата, сидевшего за столом, был такой занятой и отсутствующий, что нетрудно было догадаться – ни солнца, ни деревьев, ни птиц, ни людей он не видел. Олег заглянул через плечо солдата и чуть было не сел от неожиданности. На истерзанном листе роились столбцы стихов. Буквально роились: каждая строчка в четыре, а то и в пять этажей. Сбоку, на полях, тоже пошатнувшаяся городьба строчек. Стихи солдату давались трудно. Осенний лист кружась падает на лист бумаги. Где грусть и трепет сердца моего, Где по любви лишь сладкие мечтанья, А больше нету ничего. Две последние строчки столько раз черкались и перечеркивались, что Олег, тоже баловавшийся в школьные годы стихами, скорее угадал их, чем прочел. "Контуженная муза!" – Олег предупредительно кашлянул, зная какой щепетильный народ поэты. – Рифма хромает. Чувство в стихе есть, но техника отсутствует, – как бы между прочим заметил он, кособоко усаживаясь на скамейку. Солдат прихлопнул стихи, как муху, и обернулся, засавывая лист под гимнастерку, в бинты. У него был горбатый, кавказский нос, а остальное все русское: серые глаза, жидкая белесая челка, белесые брови, с пяток

Астафьев Виктор Петрович Сашка Лебедев astafevvictor.ru

крупных конопатин на переносе. Он смерил Олега пробуждающимся, недовольным взглядом: – Откуда взялся грамотей такой? Из газетки, что ль? – И, заметив удивление Олега, пояснил: – Учено говоришь. – А ты догадливый! – хмыкнул Олег и позвал "своих" солдат: – Давай сюда, братцы. Здесь хоть пыли меньше. – Повременив, с грустной усмешкой добавил, глядя мимо солдата: – Я цитировал рецензии на свои творения. – Тоже стишки сочиняешь? – Было дело, – с нарочитой, не идущей ему небрежностью ответил Олег. – Быстро эвакуируют отсюда? – Чего-о? – удивился солдат и вдруг захохотал. Но тут же схватился за грудь, перегнулся, подавил стон и рассердился: – Лопухи! Будто вчера на свет родились! Зачем из автобуса вылезали? Теперь позагораете. Вон, – кивнул он на спящих под тополями людей, – видите? – Как так? – рассердился пожилой дядька, вместе с которым ехал ночью Олег. – Где здесь начальство? Боль, видимо, приотпустила солдата, и он уже спокойно сказал: – Ты чего на меня-то орешь? Я сам отсюда умотать не могу. – И тише буркнул: – Стихи вон с голодухи кропаю. Когда дядька перестал плеваться, ругаться и стучать о землю сделанным из кривой вишни костылем, солдат дал ему место рядом с собою на скамейке, зевнул, помахал кулаком у рта, как бы крестясь, пробормотал: "Прости нас, мать твою, богородица!" – и стал неторопливо рассказывать. – Начальство здесь в двух лицах представлено – медицинский лейтенант и чуть живой сержант – не сегодня-завтра концы отдаст. Вот в таком разрезе, воины, насчет начальства. А насчет транспорта тут тоже полная ясность – уезжать надо на попутных. Во-он пылят машины. Из палатки, прихрамывая, проковылял кривошеей сержант с высокими, до колен, обмотками, обернутыми не без форса, что отличает бывалых солдат, умеющих даже вшивой гимнастерке, если потребуется, придать такой вид, что хоть стой, хоть падай. Сержант утвердился посреди дороги, решительно раскинул руки и втянул в плечи тощую шею, отчего сделался похожим на нахохленную музейную птицу. Из тополей вынырнули три ЗИСа, в них разом громынули ящики. – Чего тебе? – высунул запыленную, а может, и небритую личность шофер передней машины, почти ткнувшейся радиатором в грудь сержанта. Объяснять ничего не пришлось. Из-под тополей высыпал раненый народ и, волоча тощие рюкзаки, мятые шинели, развязавшиеся бинты, полез в машины, непочтительно поминая бога, богородицу и всех, кто подвернется под руку. – Да как же я вас повезу, братцы? – взмолился шофер. Но его никто не слушал. Легкораненые быстро оказались в машине и уже устраивались поудобней, расталкивая в кузовах ящик и пустые гильзы. Раненые потяжелей неловко карабкались в машины, цеплялись за борта, срывались. Сержант суетился, помогал бойцам забраться в кузов, кидал туда вещмешки, шинели, костыли. Солдат, писавший стихи, сначала кричал разные прибаутки, потом замолк, лицо его сделалось острым, злым. Он побегал к машинам, бодливо согнувшись в груди, принялся подсаживать людей, рассчитывая, видимо, прыгнуть в машину после всех. Но шофер переднего ЗИСа вдруг рванул с места. Раненые отскочили в стороны. Опять побрели под тополя и стали укладываться – кто где. Сержант спрятался в палатку. – Спектакль окончен, воины, – грустно сказал горбоносый солдат, которого, как потом выяснилось, звали Сашкой Лебедевым. – Имя у тебя какое, мальй? – неожиданно обратился он к Олегу. – Курева нет ли, часом? – без всякой надежды полюбопытствовал он после того, как Олег назвал. Олег повернулся к Сашке левым боком: – Доставай. – Так чего же ты молчишь? – изумился Сашка. – Сидит с табаком и помалкивает! Одна сигарка три сухаря заменяет, – подмигнул он и, кажется, первый раз внимательно присмотрелся к Олегу. – Весь-то ты в кровище! – Сунул руку в карман Олега, достал слипшийся табак и вовсе удивился: – Даже в кармане кровь? Куда тебя? – Не видишь? В плечо. – И Олег тоже, пожалуй, в первый раз после передовой, внимательно оглядел себя. Гимнастерка разделана в распашонку, в крови от ворота до подола. На брюках тоже насохла красная корка. Даже на ботинках сквозь пыль рыжели капли. Олег зажимал правой рукой рану, пока добирался до своей траншеи. Сгоряча он не чувствовал боли и не понимал, что к чему, а только плакал по-девчоночьи тонко и возил липким кулаком по залитому слезами лицу. Земляк-старшина, перевязывавший его, не мешал Олегу плакать, лишь хватал за руку и отводил ее: "Окровенишься весь, чучело!" "Да-а, должно быть, видец у меня!" – конфузливо подумал Олег. Солдаты, приехавшие с Олегом, разбрелись кто куда. Тая боль и стоны, Олег едва сидел у стола. Притупившаяся в пути боль опять закогтила плечо, и снова Олегу показалось, что кто-то раздувает уголь, спрятанный под бинтом, и печет от него всю грудь, пересыхает в горле. Рука ниже плеча залубенела, едва чувствовалась, силы нигде уже не было, и шея никак не держала голову, сламывалась. Хотелось пить, хотелось есть, но смутно, отдаленно хотелось. Вялость, беспомощность и беззащитность от боли притупили все в молоденьком солдате. Он качнулся на скамье. Сашка подхватил его. – Кемаришь? – спросил он, протягивая Олегу окурок. – На, зобни. От сигарки пахло жареным мясом. Олег сморщился: – Не могу. Мутит – И, переваливая словно бы уже не свой язык в вязком рту, силным, перекаленным жаром голосом сказал, не открывая глаз: – Плевать я хотел на этот пункт, на

Астафьев Виктор Петрович Сашка Лебедев astafevvictor.ru
машины. Я спать хочу, Лебедев, спать. Сашка пощупал его лоб, сказал что-то издалека, побегал в палатку. Олег поднялся и, шатаясь, побрел в сторону от дороги и все бормотал, сглатывая полубредовые слова. Последним проблеском сознания он ощутил впереди себя какие-то кусты и здоровой половиной тела упал, как ему показалось, в листву, провалился в нее – в горячую, темную, мягкую. На самом же деле он уснул под дикой яблоней, почти на дороге, идущей к большаку из дереvушки, чуть видной за полями, испорченными воронками и гусеницами танков. Олег спал, как ходил после ранения, кособоко, словно перешибленный пополам, спал до тех пор, пока заполошно не загудел "виллис", едва не наехавший на него. В машине сидели полковник и лейтенант. Оба запыленные от пят до макушки, полковник к тому же еще и сердитый. – Чего на дороге валяешься? – заорал он. У Олега возникло желание огрызнуться, сказать что-нибудь вроде: "Нравится, вот и валяюсь", – но такая слабость была во всем теле, так болела голова, так было жалко самого себя, что он с трудом отполз с дороги, прижался к корявому стволу яблони и снова устало закрыл глаза, уронил голову на грудь. – Постой, да ты вроде раненый? – Разве заметно? – открыл глаза Олег и, чтобы не расплакаться, отвлечься, нащупал под деревом яблоко-падалицу, с луковичку величиной, откусил, покривился. – Болит? – уже мирно спросил полковник, наклонившись над солдатиком. – Яблоко кислое. Перебарывая неловкость, полковник тоже поднял яблоко, вытер его о широкие галифе, куснул и тут же выплюнул. – Фу! В самом деле глаз воротит. Ты вот что, вояка, грузись, и поедем. Тебе в госпиталь? – Не мешало бы. – Это в Ярославле? – обернулся полковник к лейтенанту. – В Ярославле, товарищ полковник. – Значит, по пути. Олег, придерживая руку, залез в "виллис", пока полковник не передумал, уселся рядом с лейтенантом на заднем сиденье и боязливо прислонился толсто забинтованным плечом к холодной спинке. – Сашку бы прихватить, – попросил он. – Какого Сашку? – Лебедева. Познакомились тут. – Во друг! – громыхнул полковник. – Может, еще и бабушку твою прихватить? Посадили, так сиди. Сашка сам доберется куда надо. – Сам так сам, – покорно согласился Олег. – Только не скоро он отсюда выкарабкается. – И, показав на расположившихся вдоль большака раненых, рассказал полковнику о том, как они добираются до госпиталей. Полковник много километров крыл боевыми словами "тыловых крыс" и грозился, что он этого так не оставит и доберется до самого командующего фронтом и расскажет ему, как обращаются с ранеными на перепутье между передовой и госпиталями. Олег подпрыгивал на заднем сиденье "виллиса", кусал губы, мычал, когда особенно сильно встряхивало, но закричать боялся, чтобы не обеспокоить полковника, Хороший попался полковник. Как выехали на асфальтированное шоссе, он перестал ругаться и предложил папиросу, настоящую, фабричную. Олег отказался. Ему и без курева было тошно. А полковник подумал, что не курит солдатик по молодости, и похвалил его. На ровном, спокойном шоссе обсушило встречным ветром испарину па лбу Олега, он перевел дух и решил воспользоваться благоприятным расположением полковника – намекнуть ему насчет еды, но так намекнуть, чтобы вышло непринужденно, чтобы с шуткой: мол, одна сигарка заменяет три сухаря или, наоборот, три сухаря заменяют сигарку. Пока Олег придумывал каламбур, пока краснел да набирался нахальства, они примчали к Ярославлю. Олег обрадовался – не пришлось ничего клянчить – и так был благодарен полковнику, что не нашелся чего и сказать, а только слабо кивнул всем головою, когда шофер помог ему выбраться из машины. В Ярославле порядки были другие: у въезда в город раненых встречал санитар с белым флажком и белой повязкой на рукаве. Если раненый был один, санитар объяснял ему, как найти распределительный пункт, если их было больше, сам сопровождал туда. Олег Глазов очень быстро разыскал пункт, где распределяли раненых по госпиталям, и еще раз убедился, что ведомственные люди не любят называть вещи своими именами. То, что называлось пунктом, было на самом деле табором. Территория гектаров в восемь, огороженная кое-где досками, кое-где проволокой и рамами разбитых машин. В загородь попали часть сада с нахохленным панским домом, часть огорода с только что выкопанной картошкой, два барака, построенные на скорую руку немцами, и несколько палаток, поставленных нашими медиками. За бараками дымил. В панском доме чадило. Кругом было густо людей и шума. По всей территории, притоптанной до копытной твердости, лежал, сидел, стоял, кашлял, курил, балагурил, ругался, стонал, плакал и смеялся раненый народ. Посредине, на самом солнцепеке, буквое "П" стояло несколько столов. За каждым столом сидела военная девушка в халате, доведенная до полного изнеможения, и заполняла карточку, по-солдатски – подорожную. Олег долго отыскивал в очереди последнего к одному из столов и нашел его за баракон, под крупнолиственным деревом. Такие деревья Олег видел только в кино и, как они называются, не знал. В бараке была столовая. Под баракон подкоп. В яме шуровал лопатой солдат-кочегар. Он осаживал раненых, норотивших испечь картошку, и терпеливо разъяснял, что топят он котел углем, каменным углем, и картошка в момент сгорит, потому что ее, картошку, надо печь на дровах. Солдаты все равно

Астафьев Виктор Петрович Сашка Лебедев astafevvictor.ru приспособились. Они пекли картошку в горячем шлаке, недавно выброшенном из топки, и носили тыловика-кочегара: побывал бы, дескать, "там", так сознавал бы... Закопана в шлак своя доля и у "последнего". Он легко подстрелен, мог промыслить харч и оттого никуда не торопился и уже успел обжиться под деревом. Круглые листья на дереве были величиной с лопушные, почернели, скорчились с одной стороны и редко, печально опадали. На вопрос Олега: "Когда же подойдет очередь?" – "последний" спокойно ответил: – К завтраму, даст бог, подойдет. – Выкатив из золы пяток картошек, он чуть отодвинулся в сторонку, освободил местечко рядом с собой на листьях: – Устраивайся. Подумал, подумал и бросил в колени Олега самую маленькую картофелину с обуглившейся бородавкой. – Когда ел последний раз? – спросил он, отсыпая ему в ладонь крупной соли из чехла от зажигалки. – Вчера, на передовой. – Н-да-а... – перестал двигаться солдат и тут же встряхнулся, захлопотал: – Ну, ничего. Раненому не так уж еда и требуется, как здоровому. Червяка вот заморишь. Ты ее круче, картофель-то, соли, не желей соли-то. – И вдруг вставил грустно: – Соли и слез в Расее всегда достасть. Н-да-а. Однако ничего, бланку заполнят, и ты с нею в столовую двинешь. Здесь не как в Жешуве. Порядок церковный. Олег хотел сказать, что соли нынче тоже не хватает. В тылу ее рюмочками да стаканами продают на базаре, а вот насчет слез верно. Но зачем это говорить? Зачем без дела языком молоть? – Ты тоже был в Жешуве? – только и сказал он. – В Жешуве-то? В самом не был. А на подступах двое суток загорал. Мне что? Я – легкий, мне не торопно, Другим-то каково? – Послушай, – перебил говорливого солдата Олег. – Ты не знаешь, приехал или нет Сашка Лебедев? – Лебедев? Лебедев? – прижмурился солдат, вспоминая. – Куда раненный? – В грудь. – Ах, в грудь! Горбоносый такой? Приехал, приехал. Вместе и ехали. Четыре поляцких автобуса под нас лейтенант выхлопотал. Олег доел картофелину, подобрал кожурки, солинки, покидал в рот, подождал добавки, но солдат больше его не замечал, бормотал что-то сам себе и бережно облупливал картошку, выгрызая из кожурок рассыпчатую мякоть. Солдатик проглотил слюну, сказал, что пойдет поищет Сашку и чтобы солдат не забыл, что в очереди он, Олег, за ним. Олег вовсе не надеялся найти Сашку в таком людском скопище. У него опять горячей чугуниной придавило плечо, щипало солью растрескавшиеся губы, и хотелось просто пошляться, постараться заглушить боль или отвлечься от нее, а может быть, где и на еду опять наткаться. Мало ли! О машине вон не думал, не мечтал, а она сама на него наехала. Картошку вот тоже – раз и съел. На войне из ничего берется чего. Убить могло? Могло – и не убило. Видать, в рубашке родился, иначе бы конец. Олегу сегодня явно везло. Лишь только, кособочась, вышел он из-за барака и остановился оглядеться, думая о своей удачливости, сзади послышалось: – Эй, мальй, ты куда провалился? Автобусы пришли, я тебя искал, искал. "Точно, в рубашке!" – окончательно решил Олег, но виду не подал. – Что мне автобусы! – небрежно сказал он и похвастался: – Я на иностранной машине прикатил в обнимку с полковником! – Эка невидаль! Кабы с полковничихой! С полковником-то и я ездил. Как рана? – Болит, но терпимо... – Терпимо? И у меня тоже. Слушай-ка, боец Глазов, а ведь ты мне нужен, – сказал Сашка, цепко, оценивающе оглядывая Олега, будто видел его впервые. – Жрать хочешь? – спрашиваешь! – Спать? – спрашиваешь! – Тогда не задавай больше вопросов и действуй, как скажу. ...К столу, за которым сидела девушка с невыспавшимися серенькими глазами, почти автоматически тыкающая пером в чернилку, в бумагу, в чернилку, в бумагу, – к столу этому продвигались двое раненых. Один из них, с двумя орденами Славы, тремя медалями и гвардейским значком, вел в обнимку молоденького солдата без медалей. Был тот в сохой кровиче с ног до головы, в разорванной гимнастерке. На плече толсто напутаны бинты. Глаза захлопнуты густыми, девчоночьими ресницами, губа закушена. Тот, что с орденами, скорбно-озабоченным голосом просил: – Минуточку, товарищи, одну минуточку, Прошу прощенья, – и, не слишком торопясь, но и не особенно задерживаясь, продвигался к столу по неохотно раздвигающемуся коридору. Девушка с усталыми глазами, завидев этих раненых, без разговора взяла два бланка. – фамилия? – Моя Лебедев, а его, – кивнул он на Олега, – Глазов. Извините, что я за двоих. Растрясло его в дороге. Девушка быстро заполнила подорожные и крикнула вправо, через плечо тонким властным голосом: – Этих в первую очередь в санпропускник! Но Лебедева и Глазова как-то заносило и заносило в сторону от санпропускника и занесло к столовой. Увидев, что на крыльцо столовой они не ползут, а идут, и довольно проворно, один из раненых восхищенно прошептал: – Ловкачи-и! На каждого человека в столовой был приготовлен стакан какао и порция белого хлеба с тонким брусочке масла. Сашка размял масло пальцем по куску, помог то же самое сделать Олегу. У того совсем отяжелела и не шевелилась левая рука. А с одной рукой Олег еще не приспособился жить. В один прихват, без всяких слов они проглотили еду. Сашка облизнулся, ковырнул ногтем в зубе, глядя при этом заинтересованно на соседний стол. – Пикирнем? Съели по второй порции. Сашка уже не ковырял в зубе, а просто всеми ногтями прошелся по зубам, как по клавишам.

Астафьев Виктор Петрович Сашка Лебедев astafevvictor.ru

Получилось у него что-то похожее на веселый марш. – Пикирнем? Они побывали еще за двумя столами и почувствовал, что наконец-то их проняло. Сашка больше не играл на зубах, а уютно зевнул: – Попили, поели, табачку б теперь найти! Он захватил еще одно место и, немного порядившись с одним молоденьким сержантом, уступил его за две щепотки махорки. – Тут жить можно! – заключил Сашка и по-домашнему развалился за столом, припрятав дымящуюся сигарку в рукав. – Товарищ боец, покушали, и ступайте в санпропускник, дайте возможность другим покушать, – сделал Сашке вежливое замечание дежурный по столовой, тощий-тощий ефрейтор с почти фиолетовыми губами. Можно было подумать, что он не в столовой работает, а в протезной мастерской. – Покушали! – недовольно фыркнул на ефрейтора Сашка. – Кормили бы тебя дети так под старость лет. – А что я могу сделать? – виновато развел ефрейтор руками. – Норма есть норма... Сашка хотел еще покуражиться над ефрейтором, но Олег вытеснил его из столовой. Санпропускник размещался в старом панском доме с мезонином и пристройкой для оранжереи. Весь он был увит плющом. Вокруг дома ползла, тянулась вверх, змеилась, переплеталась, дурманила, воняла, исходила диковинными ароматами невиданная растительность. Многие деревья тут, не соглашаясь с осенью, вызываясь зеленели, а иные кусты даже цвели. Видимо, любил пан-хозяин природу, но это не помешало ему сбегать с немцами, кинуть все эти райские кущи на произвол судьбы. Солдаты хмуро и отчужденно колготились в саду, устраваясь отдохнуть. Больше всего народу лежало вдоль живой стены, которую образовали кусты с брусничным листом. Кусты давно не подстригали, они повыкидывали вверх и в стороны стрелки, да и оробели – кустам этим никогда не позволяли так вольничать, не давали расти, как им хотелось. Под крыльцом и под верандою тоже лежали солдаты. Все уже давно перегорели, отругались, отшумели, поняли, что порядок есть порядок и горлом тут не возьмешь. Смиренно ждали очереди и оживлялись, когда выходил на высокое крыльцо распаренный старший сержант с подорожными в руках. Он вызывал в пропускник очередной десяток. Все тогда кричали друг на друга: "Тише! Тише! Товарищ старший сержант выкрикивать будут!" И если не откликнулся какой-нибудь солдат-дрыхало, дружно помогли старшему сержанту. Вот в сто глоток закричали: "Сиптымбаев! Сиптымбаев! Где ты, азиат проклятый?" – и готовы были растерзать Сиптымбаева за задержку, потому что всем хотелось быстрее в госпиталь, а без санобработки туда не пустят. Сиптымбаев оказался почти мальчишкой, кривоногим, щелеглазым, по-русски мало понимающим и совсем оглохшим от жара. Ему помогли подняться на крыльцо, а он не понимал, куда его ведут, что от него требуют, упирался, шевелил запекшимися губами: – Бумашка! Кидэ мой бумашка? Доктору нада... Должно быть, крепко внушили Сиптымбаеву насчет бумажки и понимал он, что без нее ничего не значит. Сашка где-то сорвал красную розу, нюхал ее и становился все сумрачней и смурней. Когда слабо сопротивляющегося Сиптымбаева уволокли в санпропускник, Сашка сердито забросил розу в кусты и выругался. Олег поморщился. Не любил он похабщины, не приучен к ней. Отец грузчиком был, но Боже упаси при сыне облаяться. И на войне Олег сопротивлялся, как мог, этой дикости, которой, подвержены были даже большие командиры и вроде бы иной раз щеголяли ею. – Не нравится? – точно угадал настроение солдатыка Сашка. – Чего ж хорошего? Поможет, что ли? – А вдруг поможет? Вдруг легче станет? – Сомневаюсь. – Сомневаешься? – Сашка сжал тонкие губы, и в углах его рта зазмеилась усмешка. – Юный пионер, к труду и обороне будь готов! – Всегда готов! – стараясь удержаться на шутовском тоне, ответил Олег. – Ты чего пузыришься-то? – Запузыришься тут. Голос Сашки уже совсем стал спокойным, даже чуть грустным, усмешка с губ исчезла. Он подгреб под себя кем-то наломанные ветки каштана, морщась от боли, улегся, подобрал приплюснутый блестящий каштан, подкинул его, как монету, поймал. – Такая аппетитная с виду штука, а сожрать нельзя, – с сожалением проговорил Сашка и скосил глаза на Олега – спит или нет? Олег думал о чем-то, прикрыв глаза пушистыми ресницами. Лицо Олега было в сохлой крови под носом, у глаз, в ушах. Хорошо, что он не видел своего лица. – Пайку я свистнул, Олик, за то и мантулил в трудовой колонии. В санпропускнике кто-то выл, ругался, брякали тазы. По другую сторону каштана, привалившись спиной к стволу, солдат, тот самый, что угощал Олега картошкой, мусолил карандаш, нашептывая: "Ранило меня другорядь и опять в мяготь, слава богу..." Сашка разомкнул ресницы. Олег все так же неподвижно сидел против него, навалившись здоровым плечом на зеленую оградку. Он слушал письмо солдата, сумевшего-таки пройти регистрацию без очереди и снова по-домашнему расположившегося под деревом, но уже под другим. "Видно, везде дом бывалому человеку", – уважительно подумал Олег. "И чего я к этой святой душе привязался? И чего меня все тянет к этим юным пионерам?" – думал в это время Сашка, глядя на Олега. "...Береги ребятишек, – тоскливо выдыхал за деревом солдат, – терпи, я вернусь уж живой, пока в госпитале да че – и войне конец". – И чего это я в тебя такой влюбленный? – тихо произнес Сашка и быстро закрыл глаза. – Что? – встрепенулся Олег. – Да ничего, – притворно зевнул Сашка. – Спектакль я

Астафьев Виктор Петрович Сашка Лебедев astafevvictor.ru
один вспомнил, комедию. Когда в детдоме был, Яшку-артиллериста в ней представлял. – Ты и в детдоме был? – Спроси, где я не был!.. – Сашка обернулся, тряхнул солдата за стволом каштана: – Эй, друг, передавай от нас привет своей Марье. – Матрена у меня, – сумрачно поправил солдат Сашку. – Закурить надо, что ли? Сашка за догадливость назвал солдата молодцом, принимая от него кисет. Не жалея чужого самосада, завинтил из газеты вместительную "козью ножку" и протянул кисет Олегу. Тот опять замотал головой. "Да, видать, худо малому, раз от табаку совсем отбило". – Может, еще сманеврируем? – предложил он Олегу. – Заметили. Не выйдет, – глухо отозвался Олег, облизывая сухие губы. – Рассказывай лучше о своей жизни, если не в тягость. – В тягость не в тягость, а развлекаться чем-то надо, – сказал Сашка и ровным, даже чуть тягучим голосом, будто совсем о другом человеке, поведал о себе. В двенадцать лет осиротел Сашка. Сначала забрали отца, потом мать. Была она женщина крутого характера, ринулась отбивать мужа, что-то сказала там, говорят, следователю в морду плюнула. – А я подзаборником сделался, уркой. И прибрали меня в детдом. Хорошо там было – ни заботы, ни печали... А после – самостоятельная жизнь. Долго рассказывать... – Э, друзья, – не поворачивая головы, вмешался в разговор солдат, дописавший письмо. Сашка оглядел солдата. Был он ранен ниже колена, прибран, даже побрит, и погоны были на месте, и все пуговицы тоже. Добрые, глубокие морщины лучились возле его глаз, и задумчивая складка навечно поселилась между бровей. Они разговорились. – Ох-хо-хо! – вздохнул солдат, спросил у Сашки: – В штрафной спасся? – Ага. Мы всей колонией в Москву писали. Разрешили нам вину искупить кровью. Радости было!.. – А как же! – задумчиво вставил солдат. – Там за счастье люди почитают фронт-то... Хотя в штрафную, хоть в какую... Из-за кустов вывернулся младший сержант с забинтованной шеей, приткнулся сигаркой к Сашкиной "козьей ножке", с трудом прикурил, потому что его било трясухой – контузией. Он ушел, оставляя за собой синенький вкусный дымок от легкого табака. Сашка проводил его грустным взглядом, запустил увесистым, как камень, каштаном в воробья, мерно чирикавшего на ветке. – И скоро ли этот сержант-подлюга в предбанник выйдет? Олик, ты еще живой? – крикнул Сашка. – Живой, – с тяжелым вздохом откликнулся Олег, убирая с лица пилотку. – Тебе награды за штрафную дали? – Ну что ты, парень! В штрафной дают только прощение, живым и мертвым. Да-а, лежат ребятишки где-то под селом Вишневецы. Как они шли, как шли!.. – с закрытыми глазами вспоминал Сашка. – Я такой атаки уж после не видел. – Сашка побледнел еще больше и с минуту молчал, нервно пересыпая в ладонях каштаны. – Все обиды ребятишки забыли, когда фраера чужие нашу землю лапоть пришли. Все откинули. Скисовали несколько уроков. Пришли их. Неожиданно через зеленую изгородь перелетел вещмешок, а за ним с шумом перевалился солдат с подвешенной на бинты рукой. Руку он зашиб, выругался мимоходом и, взяв вещмешок за один угол рукой, а за другой зубами, вытряхнул на дорожку яблоки. – Навались, герои! – пригласил он великодушно, и яблоки вмиг исчезли. Сашка успел добыть несколько штук и кинул одно яблоко Олегу, одно – солдату с вещмешком, потому что ему не догадались оставить, уступил ему место рядом с собой, с хрустом откусил яблоко и повел рассказ дальше: – Вернулось нас из разведки боем от села Вишневецы сорок с чем-то человек, – Сашка кинул огрызок яблока в ботинок спящего под крыльцом солдата. Попал в самый каблук и удовлетворенно утер губы. – Вот так, боец Глазов, считаю, повезло мне. И что этот старший сержант в прожарку провалился, гад? – опять взъелся Сашка. – Сходить в разведку? – А может, к паненке завернем? – предложил солдат, что притащил яблоки. – Паненка тут, ребята, ух паненка! Так и жгет, стерва, как стручковый перец! И самогонка у ей... Сашка заколебался: – Очередь подходит, понимаешь. А то бы... И напарник у меня. – Непьющий, да? – ухмыльнулся солдат. – Ну, как хотите. Я пошел. Паненка-то уж больно... – И солдат опять ухнул в брусничный лист изгороди, зашумел, ойкнул, ругнулся и исчез. – Да-а, – хмуро протянул Олег, – трудно мне после дома, после книжек, учителей все это видеть и слышать. – Хватит ныть! – оборвал его Сашка. – Не мы, так жизнь вам... как это? Какое-то слово есть, – пощелкал пальцами Сашка. – Идеалист? Во! Идеалистам этим все равно сусала разобьет... Слушай, довольно трепаться. Пошли на маневр, а? Надо же смыть грехи. – Грехов за мной никаких не числится, – угрюмо признался Олег, все еще не отделавшийся от разговора. – Я даже с девушками не гулял... – Неужели ни одной не попробовал? – простодушно удивился Сашка, у которого, как уже заметил Олег, настроение могло меняться моментально. – Да-а, такому помирать совсем обидно. Но, – Сашка поднял палец, – мыться все равно надо, потому как закон для грешных и безгрешных один. Они проникли в санпропускник через задний ход, точнее, через раму оранжереи, отодвинув дощатые щиты, которые заменяли стекла и маскировали голый народ. Сашка затаскивал Олега наверх за шиворот. Солдатик чуть было не взвыл от боли, а Сашка сел на пол и очумело тряхнул головой, пощупал рукою губы. На ладони что-то зачернело. "Уж не кровь ли?" – испугался Олег. Но Сашка вытер ладонь о штаны, и оба проскользнули из полутемной оранжереи в совсем темный коридор. Как раз

выдавали прожаренную одежду. В коридоре людно, шумно, толкотня, ругань – самая подходящая обстановка. Вдали, как в тоннеле, мерцало несколько манящих огоньков, вонько пахло и парило оттуда. ...Из темноты коридора возникли два солдата, один в кровище, почти без сознания, другой с орденами и медалями, страшно озабоченный. Они медленно и настойчиво продвигались к опрокинутому ящику. На нем сидела тетка с волосатой бородавкой на челюсти. Она ставила крестики на дорожных, выдавала по кругляшку мыла, с вазелиновую баночку величиной. После этого можно было уже беспрепятственно следовать туда, где призывным набатом гремели тазы, шумела вода, ахал и охал ошалелый от радости народ. Им оставалось совсем недалеко до ящика, до тетки, но тут, на последнем рубеже, перехватил их банный чин, тот самый старший сержант, что выходил время от времени глашатаем на крыльцо: – Э-э, орлы! Разок надули регистратуру, и хватит! Больше номер не пройдет! Понятно? В очередь, в очередь! – Я бы твою маму! – прошипел Сашка и, потолкавшись еще меж народа, убедился, что с помощью "маневра" тут в самом деле не пролезешь. Он встал в очередь. Олег за ним. Они проскучали еще часок. Олегу всадили второй укол против столбняка, потому что он не взял справку в санроте, где уже принял такой укол. У Сашки справка была, а укола не было, и он по этому поводу малость развеселился и сказал, что второй укол ставят вовсе не от столбняка, а от идеализма, только не говорят про это. Наконец Сашка и Олег попали в тошнотворно пахнущую прожарку. Стон и ругань стояли в прожарке. Люди раздевались, помогая друг другу. То и дело слышалось: "Куда лапами лезешь!", "Потерпи маленько!", "За рану не цапай!", "Ты чего шеперишься? Чего толкаешься в бок?", "О-о-ййй, гад! Где у тебя глаза-а?!", "Осторожно отдирай, осторожно. Отмочить бы... Рви! Не могу больше!" Последнюю фразу в общем гаме разобрал только Сашка. Он помогал Олегу снять присохшую к плечу нижнюю рубашку. На носу Олега плясала бурая капля. По лицу катился крупным горохом пот. Сашка решил, рванул. Олег разом выпал из гимнастерки и из рубахи. Сашка метнулся в мочную, выхватил у кого-то таз, плеснул в него холодной воды и поднес солдатику. Олег хватал воду из таза губами, как телок, и со всхлипом кряхтел: – Ничего, ничего... Сейчас пройдет... Как снимал одежду Сашка, кто ему помогал, Олег не видел и не помнил. Сашка тоже пил из таза после того, как разделся, но пил через край, пил молча, и слышно было, как резиново скрипело его горло и квохтал кадык. Из прожарки поторапливали. Олег с Сашкой немного отдышались, вздели одежку на железные крючья и пошли в мочную. Тут на пути к госпиталю встала новая преграда: не хватало тазов. Сашка до того разозлился, что хотел в голом виде идти к старшему сержанту и, как он выразился, из глотки вырвать у него таз. Но в это время в сопровождении той самой тетки, что ставила кресты на дорожных, появился боец с забинтованным лицом. Тетка несла за дужку продолговатый цинковый таз, серебрищийся, звонкий. Сашка поспешил встретить этой паре. На ягодицах у него ожили и забегали наколки: кошка с мышкой. Кошка ловила мышку. – Я жить не хочу, а они меня в баню! – вопил боец с повязкой на лице. – На кой мне ваша баня? – Тише, тише, голубчик, – испуганно уговаривала бойца тетка с тазом и искала место на скамейке. Сашка тут как тут. Он подцепил раненого под руку, поволок на свое место. Мигнув тетке, чтобы она убиралась, Сашка порекомендовал Олегу хнычущего бойца, а сам стал пробиваться к единственному крану. Вернувшись с тазом, наполненным теплой водой, Сашка соображая, как тут быть, прищурился на бойца, распустившего грязные губы, которые только и виднелись из-под бинтов. – Чего нюни распустил! – прикрикнул он строго. – Жи-и-ить не хочу! Как такие люди называются, Олег? – Пессимистами. – Пессимист, вот кто ты такой! Уяснил? Заклейменный таким несслыханным словом, боец еще раз хлюпнул носом и покорно сунул руки в таз. Как и все раненные в лицо, выглядел он страшно. Из-под перепачканного, захватанного пальцами бинта, клочками висевшего подле ушей, виднелись засохшие корки. В ушах, возле губ, даже в губах – следы пороха. Засохшая кровь осыпалась штукатуркой. Олег сострадательно придерживал бойца, но голова у него все еще кружилась, и он чуть было не упал с мокрой скамьи. – Да сиди ты, шкилетина! – метнул в него яростный взгляд Сашка, поймал его за руку и помаячил ему: не кисни, дескать, бойца разжалобишь. Затем приказал занять новую очередь у крана, а потом вернуться и помочь ему мыть подшефного. Вдвоем они быстро обработали бойца, безвольно подчинявшегося им. На прощанье Сашка шлепнул раненого по бугристой спине. – Жених! – Трави! Трави! – плаксиво завел в ответ боец. – А чего? У тебя вон какое завидное телосложение! А это, по военному времени, такой факт... Я серьезно говорю, боец Глазов? – Вполне. Сашка уже превозмог боль, Сашка оживился, Сашка был в своей стихии. Немного ободренного и помытого бойца он передал тетке. За помощь банному персоналу, в виде премии, она сунула Сашке еще один кругляшок мыла, выдала две клееночки, таз тоже оставила. Таз этот, по заверению Сашки, берегли для генерала, но случай помог им. Парни возликовали и принялись настраиваться, чтобы можно было помыться и не намочить бинты. Пляска Олега накрыли клеенкой, а другую клеенку повязали Сашке наподобие детского передника

Астафьев Виктор Петрович Сашка Лебедев astafevvictor.ru

на грудь. – В этой жизни умереть не трудно, таз достать значительно трудней, – уныло продекларировал сидевший неподалеку от них костлявый и белотелый человек, раненный в пятку. – Я за вами, товарищи. Сашка был благодушен от удачи с тазом, с мылом, с клеенкой и потому пригласил костлявого мыться вместе, всем, дескать, хватит места голову намочить в таком шикарном тазу, главное, мол, сырое чтоб видно было. – Наступал? – спросил Сашка, кивнув на пятку костлявого. – В основном. – Кем был? – намыливая Олегу здоровое плечо, поинтересовался Сашка, не умеющий долго молчать. – Командир взвода управления гаубичной батареи Сырвачев! – представился раненый с невеселой шутливостью, приложив руку к шевелюре, сдобренной белой мыльной пеной. – Выходит, лейтенант? – опешил Сашка и озадаченно почесал кошку на ягодице. – Младший, – поправил его Сырвачев, взял таз и попрыгал на одной ноге к крану. Сашка молча догнал его, выдернул таз и категорическим жестом приказал сесть на место и ждать и не перечить ему. Нравилось Сашке быть главным хотя бы здесь, в бане. Ранение у Сырвачева было пустяковое, но очень привередливое. Он задирает ногу, стараясь не замочить рану. Сашка между делом потешался над Сырвачевым. – Прекрати! – не вытерпел Сырвачев. – Эта несчастная пятка и без того всю жизнь мою исковеркала. – И он горестно глянул на парней из мыльной пены. Парни удивились, попросили пояснений. Сырвачев невесело поведал им историю о том, как он больше года скрывал язву желудка и держался на батарее. Но вот попал с этой несчастной пяткой в санбат, а там комиссия как раз, чины понаехали медицинские, осматривают всех, выслушивают. Ну и выявил, для примера должно быть, один медицинский генерал язву у Сырвачева и разорался: "Не дошли до того, чтоб язвенники гнилобрюхие врага били! Еще чахоточных не хватало на передовой!" Ну и попер Сырвачева в тыл по чистой. Олег с Сашкой задали вопрос: зачем же он, Сырвачев, прятался на батарее? А если бы болезнь в "наркомзем" его загнала? Сырвачев сказал, что не думал об этом, а думал о том, как стыдно будет уезжать с фронта без единой награды, и старался всеми силами добыть хоть какую-нибудь медалишку, но его почему-то все не представляли и не представляли к награде. Парни переглянулись. Сашка подмигнул в сторону Сырвачева. – Всяких типов видывал, но такого впервой, – шепнул он Олегу и спросил громче: – Представили в конце концов? – Представили, даже к ордену, да что толку! – махнул рукой Сырвачев. – Разве станут убившего искать?! Пропала моя звездочка! Он больше не заговаривал, да и некогда было разговаривать. За тазом уже распределилась очередь номеров до восьми. Из очереди бросали едучие замечания насчет того, что тут не на базаре, не в Сандуновской бане, и даже кто-то сказал: не в "тиятре". После мытья минут двадцать ждали из прожарочной амуницию. Наконец открылась западня, из душной преисподней невидимые люди со звяком выкидывали солдатское барахлишко. Сашка и Олег с трудом отыскивали в чадающем ворохе свою одежду, сняли ее с раскаленных колец. Где одежда промокла кровью, все засохло, почернело и кожано шуршало. Сашка начал привинчивать к гимнастерке ордена и медали. Сырвачев с завистливым вздохом прошелся взглядом по Сашкиной гимнастерке, тяжелой от наград, а увидев гимнастерку Олега, болезненно сморщился: – Как же это вы, товарищ боец? В таком виде у вас обмундирование? Мы в Европу вступили! Примером должны быть! Сашка не уследил за Олегом, когда они сдавали обмундирование в прожарку, не подсказал ему насчет кожаных вещей и прочего, и вот результат: ремешок на брюках Олега скоробился, бумажник кожаный тоже. Олег торопливо ломал кожу бумажника, искал что-то, и когда нашел, глаза его наполнились слезами: в бумажнике испеклась фотография. Остался на ней чуть заметным пятном платок, накрест повязанный, как завязывают его русские женщины, – под подбородком. – Раненый он, – вступился за Олега Сашка, поворачиваясь к Сырвачеву. – Что нам в эту самую Европу, с развернутыми знаменами, под барабан въезжать, чтобы парад везде... – ворчал Сашка, обращаясь уже будто не к Сырвачеву вовсе, но в тоже время с расчетом, чтобы младший лейтенант слышал его. И Олег понял, что Сашка отчего-то люто невзлюбил Сырвачева и, должно быть, сожалел о своем благородном поступке, раскаивался, что пустил Сырвачева мыться в тазу. Сырвачев мучился, стараясь натянуть кирзовый сапог на раненую ногу. У него даже глаза расширились и стали выпуклыми. И вдруг остервенился, топнул, нога провалилась в сапог, а он упал от боли на скамейку. Поднялся, натянул шинель, надел пилотку, португеею с ремешком и на глазах у парней преобразился. У него появилась выпуклая, "гвардейская" грудь, на пилотке блестела звездочка, вырезанная из консервной банки, плечи были прямые от погон с картонками. Весь он подложен, подшит, подбит, и его щедушная фигура уже не угадывалась под хорошо сохраненной, на все крючки застегнутой шинелью. Вид у него сразу сделался строгий и отчужденный, не то что в бане, когда он был голый. – А я знаю, почему вас не представляли, – с трудом скрывая неприязнь, прищурился Сашка. Но Сырвачев холодно глянул на парней, приложил руку к пилотке, что-то высокомерно буркнул и, подпрыгивая по-птичьи, вышел из санпропускника. И взгляд его последний, и выражение лица при этом говорили: "Сопляки! Что вы можете знать о жизни!" Сашка

Астафьев Виктор Петрович Сашка Лебедев astafevvictor.ru
пришлепнул на голове Олега и без того уже плоскую пилотку; – Так-то, боец Глазов! Неподоходящий ты для парада. Дунька ты в Европе! – Он засунул в полевую сумку полотенце, трофейный ножичек, стрельнул закурить, и они утомленно стали ждать, когда раздадут дорожные с отметкой о санобработке. Олег привалился затылком к щиту. Лица его отмылось, было чистенькое, без единого прыщика и очень бледное, даже синеватое под глазами. – А я вот заметил, – негромко начал он, как бы продолжая разговор. – Люди наши, русские наши, все, что у них на душе в будни накопится, – обиды, огорчения, – в праздники забывают. И вот, я думаю, будет день победы – и мы все забудем. Сашка отозвался не сразу. – Может быть, может быть, – задумчиво сказал он после большой паузы. – Умильны мы, правда твоя, боец Глазов, но с войны мы вернемся уже не такими, какими ушли на нее. – Он затянулся в последний раз от сигарки, затоптал ее на мокром полу. – Многого ты, Олег, не видел и не знаешь. Беда это твоя или счастье? – И без всякого перехода, как с ним часто случалось, добавил: – А батарейцы небось рады, что Сырвачева от них умыли. И орден они ему не перешлют, гадом мне быть! Олег после бани ослаб, мелко дрожал. Сашка поддерживал его, как девушку, за талию, и все уверял, что скоро, вот уж совсем скоро конец их мытарствам. Осталось получить еще бумажку, окончательную, направление называется, и – порядок. Сашка и сам едва держался на ногах. Щеки у него посерели, ввалились, и горбатый нос обозначился очень заметно на его угловатом лице. Сашка закусывал губу, ругался так, что фонари качались, и прицеплялся ко всем по делу и без дела, и все равно только поздним вечером они попали в госпиталь. Госпиталь находился неподалеку от станции Ярослав и был переполнен. Посмотрев дорожные Сашки и Олега, дежурный врач поставил на них резолюцию и принялся добросовестно разъяснять, как найти госпиталь номер такой-то, где, возможно, есть еще места. Сашка подскочил, отшвырнул стул и двинулся забинтованной грудью на врача: – Никуда мы не пойдем, понял?! Олег повис на Сашке. Тот оттолкнул его локтем, попал в раненое плечо. Олег застонал, но Сашку не отпустил. Должно быть, он сильно давил грудь Сашки, и у того появилась на губах кровь. Олег схватил с умывальника полотенце, подал Сашке. Сашка вытер губы, бросил запачканное кровью полотенце на стол врачу, а сам уселся на пол по-тюремному – ноги калачиком, давая этим понять, что устроился он прочно и надолго. Врач хмуро следил за разбушевавшимися солдатами, потом буркнул, чтобы его подождали, и ушел. Олег подумал, что он приведет военную силу и выдворит их. Наверное, следовало сматываться отсюда, пока не поздно. Однако сил уже не было, да и Сашку он боялся потревожить. "Шут с ними, пусть что хотят, то и делают", – подумал Олег и напился воды прямо из горлышка графина, стоявшего на столе. Его охватила лихорадочная отчаянность. От злости ему хотелось делать все наперек, досаждать кому-то. – Стакан на столе! – строго заметил появившийся врач и велел следовать за ним. В коридоре третьего этажа стояла две койки, спинка в спинку, заправленные новыми, сахаристыми простынями. Сашка сел на кровать, качнул задом пружины: – Давно бы так! Олег не сказал ничего. Тихо опустился на краешек кровати. Ему было стыдно и неловко перед врачом. Дежурная сестра, рыженькая, короногая, по имени Даша, сменила верхние мокрые бинты у Сашки и у Олега, пообещала утром назначить их первыми на перевязку и дала Олегу два снотворных порошка. А Сашке поднесла в ложке клейкое лекарство. Снотворное из-за ранения в грудь или по каким другим соображениям она дать ему не решилась. В палатах горели слабые коптилки, и оттуда слышался многолюдный гуд. Все отчетливее прорывались сквозь этот гуд стоны. Воздух в палатах как бы густел, отяжелялся и начинал давить людей. Наступала ночь. Раны всегда болят сильнее к ночи, и страдают люди больше всего ночью. Раненого охватывает в потемках чувство покинутости, одиночества. Кажется ему, что повис он со своей койкой в пустоте и нет кругом ни пола, ни потолка, ни стен. Есть только он, раненый, и боль. А потом не станет и его. Он тоже растворится в смутном, неподвижном пространстве, перестанет ощущать себя, останется только боль. И, прорывая темноту, липкой паутиной окутавшую его, он закричит. Скорей всего закричит: "Няня!" или: "Сестра!.." Но ему только покажется, что он закричит. Все у него ослабело, даже крик ослабел. И если няня задремала в уголке палаты, то не услышит его. И до самого рассвета будет одиноко жить в темном страхе со своей болью раненый, и ночь ему будет казаться бесконечной, а боль такой, какой ни у него и ни у кого другого еще не было, потому что прошлую боль он забыл, и потому что боль своя больнее всех, и потому что так устроен человек – не для боли, а для радости. Ему легче, когда он не один, когда вместе с кем-то. Радость всегда переживается сообща, а боль почему-то в одиночку. До самого рассвета в одиночестве. До самого рассвета! И когда дружески мигнет в палатное окно, чуть коснется светлым дыханием темноты рассвет – упадет обессиленный человек на подушку и заснет. Уснет глубоко, забыв о боли. В эти часы он идет на поправку. В рассветные, сонные часы все боли и беды утихают. В рассветные часы спят люди, а больные выздоравливают. У Олега началась первая

Астафьев Виктор Петрович Сашка Лебедев astafevvictor.ru

ночь в госпитале, и он пока еще ничего этого не понимал. Он, конечно, сознавал, что рана есть рана и не болей она не может. И знал из книжек и солдатских разговоров, что иные раны болят всю жизнь. Его поражало совсем другое – почему не спалось в такой постельной благодати? Ведь он же не чаял добраться до кровати, спал на ходу. А теперь? Теперь лежал на правом боку и, боясь ворочаться, то сгибал ноги, то разгибал, устраиваясь поудобней. Снотворное он не принимал – его все тошнило. – Ты не спишь? – послышалось с Сашкиной кровати. – Пытаюсь. – Я тоже. Дверь одной палаты была напротив парней. В палате этой по-польски бредил раненый, и под ним беспрерывно звенели пружины. Человек метался в жару. Мимо пробежала Даша с грелкой, в которой шебаршил лед, и с напускной строгостью прикрикнула: – А ну, спать, конопатые! Олег удивился. Он сроду конопатым не был. Догадавшись, в чем дело, поддел Сашку: – Произвел впечатление. Радуйся, Лебедев! Сашка не ответил. Олег насторожился: с Сашкиной кровати не доносилось никаких признаков жизни. Олег пружинисто вскочил и, придерживая онемевшую руку, прошлепал к Сашкиному изголовью. Сашку он не узнал. Лицо его, слегка освещенное из открытой двери палаты, заострилось, щеки провалились, и совсем уж смешно, с грустным вызовом горбатился Сашкин нос. Белесая челка потемнела от пота. Олег осторожно тронул горячий Сашкин лоб. Сашка вздрогнул, поймал руку Олега. В его всегда быстрых глазах появилась боль и вдобавок печаль. – Олик! – жарко прошептал Сашка. – Отдай мне порошок. Понимаешь, уснуть не могу, а один боюсь остаться, сам с собой боюсь остаться. С детства это у меня... Олег принес оба порошка. Сунул их в Сашкину каленую ладонь. – На. Я еще попрошу. – Не надо. Этих хватит. Ты не подумай, что я наркоман. – Он повременил и приглушенно выдал: – Денатурат пил, политуру пил, одеколон, даже восстановитель для волос пил, но наркотиков остерегался. Страшная штука... Ты давай спи. Воды глотнуть подай и спи. Ты не подумай чего... – Что ты, что ты, Сашок! Просто у тебя болит рана, сильно болит, – как малому парнишке, говорил Олег, чувствуя, что Сашка стыдится его, вроде бы оправдывается. Олегу вдруг показалось, что лежит на месте Сашки в чем-то провинившийся малец, очень беспомощный и очень несчастный. Сашка вытряхнул в рот оба порошка, запил их, укрылся с головой одеялом, и оттуда глухо донеслось: – Уходи! Было слышно, как он засыпал – медленно и трудно. Дыхание у Сашки во сне сделалось свистящим, и Олег лишь сейчас до конца уразумел, что рана у Сашки не шуточная и что тот хороводился с ним, хлопотал, петушился, балагурил через великую силу. В дверях палаты показалась Даша, постояла, прислушиваясь к дыханию Сашки и Олега, затем прикрыла обе створки двери. В коридоре сделалось совсем темно и одиноко. Олег порадовался, что Сашка уснул, и сам плотно закрыл глаза и заставил себя думать о чем-нибудь хорошем. Самым хорошим на свете был родной дом. Самыми лучшими были отец и мать, и он стал думать о них. Дом на окраине Новосибирска, за речкой Каменкой. Крепкий дом над оврагом, с деревянным заплотом и деревянными широкущими воротами. Во дворе хозяйство: куры, корова. В палисаднике черемуха и рябины – кругом все деревенское. Мать день-деньской в хлопотах по хозяйству, а отец работал грузчиком в порту и выпивал часто; иначе какой же он был бы грузчик! Вот он возвращается с полочкой домой. Издали слышится. Милка, купи мне дачу, в городе скушно мне жить. Если не купишь – заплачу И перестану любить.

Мать распахивает перед отцом не створку ворот для ходьбы, а проезжую часть. Отец был смиренный, добрый человек, но, как и многие русские мужики, пьяный круто менялся нравом, кочевряжился, мной раз даже шумел. Вот он стоит в широком проеме ворот, как на экране. Рубаха напрочь распахнута, из кармана горлышко с сургучом торчит. Стоит, изучает: как тут к нему относятся? Почтительно ли? Вполне почтительно – решил и пошел с приплясом по двору, пытаясь па ходу ущипнуть мать. Мать накладывает по бесчувственной от грузов шее отца, поймав отработанным чутьем, что сегодня он в духе и рассердиться уже не захочет. – Да иди уж ты, иди, кровопивец! – облегченно ругается мать и все накладывает ему, накладывает. Отец хохочет. Ему эти материи действия доставляют даже удовольствие. Олега отец любил нежно. С похмелья, бывало, прятался дня два-три, не попадался сыну на глаза. Отец даже разувался и ходил по комнате в козьих носках, когда Олег делал уроки, чтоб ничего не скрипнуло, не брякнуло. Сам он умел только расписываться. У Олега была своя комната, полка с книгами, велосипед. Отца нет. Он погиб в Белоруссии. Пуля, попавшая в него, рикошетом дошла до Сибири и смертельно ранила мать. Она зачала и держится мечтой о возвращении сына. Что будет с матерью?.. Наплывают видения. Лето. Сеновал. Спит Олег в мелком, лесном сене (он так любил отыскивать в этом сене отголоски лета – сухие землянички!). По крыше шуршит дождь. Шепчет. Убаюкивает. Но вот налетает порыв ветра. Что-то хлопает, грохает, ходуном ходит сеновал. Это хлопает дверь. Забыл Олег накинуть веревочную петлю на крюк, поэтому и гуляет дверь, качается. Вот она забухала оглушительно, часто: бах, бах! Тр-р-рах!.. – Олег, проснись, Олег! Олег катнулся с кровати, охнул от боли и закрыл глаза рукой, так их

Астафьев Виктор Петрович Сашка Лебедев astafevvictor.ru
резануло ярким светом. Затем боязливо отнял руки и увидел перед собой Сашку, а за окном госпиталь оплывающие фонари, сброшенные с самолетов, вспышки от выстрелов и разрывов. В городе реже, к станции гуще с торопливым захлебом стучали зенитки. На черные ломти резали небо пулеметы трассирующими очередями. За городом одиноко и бестолково метался бледный луч прожектора. Ничего не попадалось в луч, и он, сконфузившись, угас. Гремели разрывы бомб, выхватывая мгновенными всполохами притаившиеся в темноте вагоны с беззащитными спинами и осторожно выбрасывающие пар паровозы. Вдруг, словно раненная, вскрикнула маневрушка и покатила в темноту, как под откос. Тут же госпиталь качнуло, брызнули, со звоном рассыпались стекла. Дверь из палаты распахнулась. – О-о, пся крев! – выплеснулось оттуда польское ругательство. А потом пошла смесь: – Джалдас! Джалдас! Китлеры бомбят! Китлеры бомбят! Ой! бой... вай... эй! Худая! – Штабы тебе провалиться! Спать не дае, проклятый хриц! – Маты ридна! Маты ридна! – В триста богов! В четыреста боженят!.. Олег испугался криков, яркого света, грохота, полез под кровать, стукнулся раненым плечом, вскрикнул. Сашка схватил его за рубаху, повалил на подушку. – Не паникуй! В это время из палаты с визгом вылетела Даша и забегала по коридору. На ней дымился халат. По черным полам халата скользнула светлая змейка, они взялись огнем. Сашка сцапал Дашу, сдернул с нее халат, смял ладонями прогоревшую юбку. – Как же тебя угораздило? – удивился он и прикрикнул: – Перестань блажить! Как подпалилась, спрашиваю? – Коптилку спросонок под халат сунула-а-а! – пропела Даша. – Светомаскировка-а!.. – Нашла укромное место! – Сашка вытер Даше нос концом ее же косынки. – Как паленая замуж выходить станешь? Жених, он привереда! Он любит, чтобы каждая деталь на месте была, чтоб все в ажуре... – Разговаривая так, немного укоризненным тоном, Сашка надевал задом наперед халат на Дашу и, подвязав его бинтом, как кушаком, подтолкнул сестру в палату: – Иди на пост! Раненые небось все под кроватями. Один Олик вон на месте. Отчаянный! – И сам последовал за Дашей, продолжая подсмеиваться над ней. – Да будет тебе! – услышал Олег уже спокойный голос Даши и следом звонкую оплеуху. Должно быть, Сашка пользовался моментом. Тем временем налет на станцию Ярослав кончился. Погасли фонари, смолкли зенитки, закуковали как ни в чем не бывало хлопотливые маневрушки. Сашка помог Даше подняться на кровати раненых, которые сползли на пол, засветил коптилку и, строго наказав, чтобы сестра не прятала ее больше под подол, отправился досыпать. Утром, после завтрака, Олега увели на перевязку. Мучительно долго отмачивали марганцем и отдирали от плеча бинты. Потом обработали рану, врач осмотрел ее внимательно, потыкал в рану зондом, будто раскаленным прутом, сказал, что солдатик в рубашке родился. "Я и без тебя это знаю", – отметил про себя Олег. На него наложили погрудный гипс, прихватили вместе с плечом часть руки и уверили, что через месяц он как штык выскочит отсюда, потому что плечевой сустав не нарушен, а только задет осколком. Олег очень обрадовался, но, пока схватывался и каменел гипс, вконец замерз, и радость в нем тоже замерзла. Когда пришел на свою койку, у него зуб на зуб не попадал. Он осторожно забрался под одеяло и услышал, как пощипывает под гипсом, это с корнем выдергивались присохшие к гипсу волоски. Сашки не было. Его тоже вызвали на перевязку. Он появился с серым лицом и стиснутыми зубами. С час пролежал на койке, ни слова не говоря. Поднялся сумрачный, постоял у окна, барабаня пальцами по стеклу, что-то пробормотал себе под нос. "Не стихи ли опять сочиняет?" – подумал Олег и притаился, боясь спугнуть Сашку. Но тот чертыхнулся, спросил у Олега, не видел ли он рыжую сеструху, и отправился вниз по лестнице, искать ее. Он где-то нашел Дашу, долго вертелся возле нее, рассказывал разные веселости, хотя ему было невесело после перевязки. Сашка подъезжал к сестре не без умысла, но она отнекивалась, уходила от Сашки. – Слышь, паленая, за мои героические дела! – приставал он к Даше, пробегавшей по коридору. – Отстань, конопатый, – игриво ответила Даша, держа шприц сверху иглой. – А то уколою! – Я ж тебя для потомства сохранил! – не испугался Сашка иглы – он видел кое-что и поколючей. – А ты за это пошла жалеешь. Принеси, а? Кончилось все это тем, что Сашка появился перед Олегом заметно повеселевший, с пробиркой, упрятанной в рукав. – Хвати для тонусу! – сунул он рукав Олегу. – Тут что? – Моча! – гаркнул Сашка. – Ну, чего хохотальник открыл? Пей! Олег вылил в рот все, что было в пробирке, и стал хватать губами воздух, а он никак не хватался. Сашка подскочил к окну, где стоял графин, и прямо из горлышка плеснул в беспомощно открытый рот солдатика воды. И когда тот очухался, беспредельно удивился: – Неужели никогда не пил холостой спирт? – А это спирт, да? Сашка махнул рукой, ушел куда-то и минут через десять появился с гитарой. Он свалился на кровать, пристроил гитару на животе, щипнул струны, дробью ногтей прошелся по деревянному корпусу инструмента, затем по зубам и посыпал частушки. Ни одной похабной частушки он не спел, но и приличной тоже. Все они были на острие возможного. Потом Сашка на минуту задумался и грустно повел потасканным тенорком: Темнеет дорога приморского парка, желты до утра

Астафьев Виктор Петрович Сашка Лебедев astafevvictor.ru
фонари. Я очень спокоен, но только не надо со мной о любви говорить... Сестра, сменившая Дашу, прикрыла дверь палаты, но там запротестовали: – Пусть поет. Громче давай!.. Сашка запел громче: Я нежный, я верный, мы будем друзьями, любить, целоваться, стареть. И светлые месяцы будут над нами, как снежные звезды, гореть... – Это чья же песня? – спросил заплетающимся языком Олег. Боль у него прошла, все кругом плыло и качалось, а на душе было жалостно, и хотелось обнимать всех и целовать. – Есенина. Слышал про него? Свой в доску поэт, сердечный. Олег попробовал вспомнить такую песню у Есенина и не вспомнил. – Только бы не позабыться перед смертью похмелиться, а потом, как мумия, засохнуть! – наговаривал под гитару Сашка. Прихлопнув струны на гитаре, он какое-то время лежал молча. А потом снова запел, затосковал. Олег слушал, слушал Сашкины песни, да и заплакал. – Ты чего? – Мне тебя жалко! – проревел Олег, не отнимая лица от подушки. – Захмелел боец Глазов, – печально молвил Сашка, накрывая солдатика одеялом. – Поспи-ка, юный пионер. От гипса-то знобит. Олег послушно уснул, как в яму провалился. Спал он долго, в обед добудиться не могли. Он и еще дольше бы спал, да кто-то настойчиво тряс за здоровое плечо. Олег с трудом разодрал глаза, увидел Сашку. Он протянул Олегу руку, и не то снисходительная, не то грустная улыбка шевельнулась в его губах и глазах. – Ну, Олик!.. – Ты куда? – сонно хлопал ресницами Олег. – На эвакуацию. Я – грудник, ты – плечник. Тебя здесь лечить будут, мне дальше ехать. Как поется: "Ей в другую сторону..." – А-а, – протянул Олег, усаживаясь на кровати, все еще ничего не понимая. – Ты уезжаешь, что ли? – вдруг встрепенулся он. – Ох, боец Глазов, – покачал головой Сашка, –хватишь ты горя без меня. Держи лапу-то! Вяло пожал Олег Сашкину руку. – как же это?! Вдруг?.. сразу?.. Но Сашка уже не слушал его. – Бывайте здоровы, славяне! – кричал он, заглядывая в палаты, и на ходу надевал через голову командирскую полевую сумку, в которой было все его имущество. – Будь здоров, певун! – слышалось отовсюду. – Счастливо добратся! Появилась рыженькая Даша в шинели, поверх которой был накинут халат, постояла, опираясь о дверной косяк спиной, наблюдая за Сашкой грустными зеленоватыми глазами. – Хватит, пойдем, конопатый! – позвала она строгим сестринским голосом. – Провожу тебя до поезда. – Пойдем, паленая, пойдем. Сашка двинулся за Дашей, но, открыв дверь на лестницу, оглянулся и подмигнул Олегу, все еще неподвижно и бестолково сидевшему на кровати: – Ничего провожающий, а? – и загремел по ступенькам лестницы. Минуты три спустя ровный приглушенный гул большого госпиталя перебило звякнувшей внизу дверью. Олег еще долго прислушивался, не веря, что Сашка ушел, насовсем ушел и никогда больше не вернется. 1961–1963

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!